

Материализм

и

критический реализм

П. С. Юшкевич

О философских
направлениях
в марксизме

Размышляя
о марксизме

URSS

2007-5

792

Размышляя о марксизме

П. Юшкевичъ

МАТЕРИАЛИЗМЪ

и

КРИТИЧЕСКІЙ РЕАЛИЗМЪ

(О философскихъ направленіяхъ въ марксизмъ)

П.С.Юшкевич

МАТЕРИАЛИЗМ и КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

О философских направлениях в марксизме

Издание второе, исправленное

URSS

МОСКВА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.

I. О діалектичеськомъ матеріализмѣ:

1. Что такое діалектика?	1
2. Матеріализмъ по ученію Маркса-Энгельса.	10
3. Матеріализмъ Г. Плеханова и его ученіе о „вещи въ себѣ“.	14
4. Философскій матеріализмъ и г-жа Ортодоксъ	26
5. Матеріализмъ, какъ идеологія пролетаріата	34

II. I. Дицгенъ и его философія.

1. Плехановъ и дицгенисты	42
2. Дицгеновская діалектика	46
3. Ученіе о мірѣ и о реальномъ.	52
4. Дуализмъ мышленія и бытія и матеріализмъ Дицгена.	57
5. Описательная теорія науки и причинности.	

III. О „махизмѣ“.

1. „Одно дѣло махизмъ, другое—марксизмъ“.	
2. Плехановъ versus Махъ.	
3. Проблема реальности внѣшняго міра и идеалисти- ческое основное заблужденіе	84
4. Принципъ соотнесенности мышленія и бытія.	93
5. Различныя рѣшенія проблемы внѣшняго міра (имма- нентная школа, Авенариусъ, Махъ и пр.)	100

6. Рѣшеніе той же проблемы съ точки зрѣнія эмпирио- символизма	117
7. Душа и тѣло	132
8. Субстанція и причинность	146

IV. Эмпириомонизмъ г. Богданова.

1. Теорія физическаго и психическаго.	161
2. Ученіе о „вещи въ себѣ“ и возвратъ въ идеализму.	171
3. Самопознаніе эмпириомонизма.	184
Списокъ важнѣйшихъ замѣченныхъ опечатокъ.	

мени—такая же большая бессмыслица, какъ и бытіе въ пространства“ („Анти-Д.“, с. 63).

Не менѣе реалистически смотритъ Энгельсъ и на матерію и на неразрывно-связанное съ ней движеніе, которое онъ опредѣляетъ, какъ *форму бытія (Daseinsweise) матеріи*“ („Анти-Д.“, с. 74).

Эти брошенные въ ходъ полемики, но достаточно опредѣленные заявленія Энгельса любопытны сами по себѣ. Но особенный интересъ приобрѣтаютъ они для насъ при сравненіи ихъ со взглядами на тѣ же вопросы такого виднаго и свято-блюдушаго, по его мнѣнію, философскіе завѣты учителя послѣдователя Энгельса, какъ Н. Вельтовъ.

3

Материализмъ Г. Плеханова и его ученіе о „вещи въ себѣ“.

Если для насъ остается много неяснаго и недоговореннаго въ міровоззрѣніи Маркса и Энгельса, то зато мы имѣемъ достаточно матерьяла для ознакомленія философской позиціи такихъ сторонниковъ діалектическаго материализма, какъ Вельтовъ и примыкающая къ нему Л. Аксельродъ.

Какъ мы видѣли выше, Плехановъ важѣйшей отличительной чертой материализма считаетъ уничтоженіе дуализма духа и матеріи. Но это „уничтоженіе“ онъ представляетъ себѣ довольно страннымъ образомъ. Комментируя вышеприведенную цитату изъ Энгельса о материализмѣ, онъ продолжаетъ: „Противникамъ материализма, имѣющимъ о немъ по большей части самое нелѣпое представленіе, кажется, что Энгельсъ неправильно опредѣлилъ сущность материализма, что на самомъ дѣлѣ материализмъ сводитъ *психическія явленія къ материальнымъ*“ („Фейербахъ“, стр. 9).

Материализмъ, значить, не сводитъ психическаго къ материальному. Для материализма, значить, психическое и физическое два крайнихъ предѣла анализа. Пусть будетъ такъ ¹⁾. Но гдѣ же здѣсь общающее уничто-

¹⁾ Въ дѣйствительности эта характеристика применима только къ одной изъ разновидностей материализма. Другія материалистическія системы сводятъ психическое къ физическому.

Вообще не существуетъ всѣми принятаго опредѣленія материализма и классификаціи типовъ его. Такъ, Вундтъ признаетъ для материализма характернымъ то, что онъ считаетъ основой познанія природную сторону (Naturseite) опыта и соответственно съ этимъ пытается вывести изъ нея

женіе дуализма? Вѣдь два—если только не придерживаться принятой христіанской догматикой арифметики—все-таки не одинъ, а два. Ученіе, принимающее двѣ основныя характеристики бытія, двѣ неразложимыхъ, несводимыхъ, разновидности его, нельзя назвать иначе, какъ дуализмомъ.

„Для материалиста,—читаемъ мы тамъ же у Плеханова,—ощущеніе и мысль, сознаніе, есть внутреннее состояніе движущейся матеріи“ (с. 11). Признаетъ и это. Признаемъ, какъ этого хочетъ Плехановъ, что материализмъ есть въ сущности освобожденный отъ теологической виѣшности спиннозизмъ. Бѣда лишь въ томъ, что Плехановъ серьезно думаетъ, будто спиннозизмъ уничтожаетъ дуализмъ „духа“ и „матеріи“, „психическаго“ и „физическаго“, между тѣмъ какъ спиннозизмъ есть лишь генерализація, распространеніе на все бытіе этого дуализма ¹⁾. Если французскіе ма-

духовный міръ. По Вундту имѣются три формы материализма: 1) духовные процессы рассматриваются, какъ родъ тѣлесныхъ: таковъ древній материализмъ; 2) въ духовномъ видятъ неясныя совокупныя дѣйствія молекулярныхъ процессовъ: это типъ материализма 17 и 18 вѣковъ, взятый въ цѣломъ, и 3) въ духовномъ видятъ „функцию“ тѣлесныхъ процессовъ: это характерно, главнымъ образомъ, для материализма 19 вѣка. Любопытно, что эмпириокритицизмъ Вундтъ считаетъ наиболѣе научной формой послѣдняго типа материализма (см. Phil. Studien, т. XIII, „Ueber naiven u. krit. Realismus“, с. 351 и слѣд.).

Л. Буссе въ своей книгѣ о „Духѣ и тѣлѣ“ принимаетъ также три формы материализма: 1) психическое по своей природѣ есть физическое, при чемъ или а) психическое просто признается за матерію или б) оно рассматривается, какъ нѣкоторое состояніе, свойство, процессъ матеріи, аналогичное электричеству, теплотѣ; 2) психическое есть продуктъ физическихъ процессовъ. Будучи само по себѣ нематериальнымъ, оно порождается однако матеріей, какъ нѣчто вторичное, какъ нѣкій эпифеноменъ, и 3) психическое не есть физическое и такое не дѣйствіе его, а связанное съ нимъ и стоящее къ нему въ отношеніи функциональной зависимости сопровождающее явленіе („Geist u. Körper“, с. 13).

Эту послѣднюю форму материализма Буссе считаетъ псевдоматериализмомъ, относя ее къ параллелистическимъ теоріямъ, хотя въ главѣ о послѣднихъ онъ материалистическій параллелизмъ, въ свою очередь, считаетъ псевдопараллелизмомъ и отсылаетъ его къ материалистической группѣ (с. 103).

¹⁾ Какъ хорошо выразился К. Штумпфъ на международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ; „единая субстанція, которая должна раскрываться въ двухъ атрибутахъ протяженія и мышленія, является только *словомъ*, которое выражаетъ потребность набѣжать дуализмъ, но

теріалісти, къ которымъ обращается Бельтовъ, утверждали, что матерія способна не только къ движенію, но и къ ощущенію и мышленію—то это вѣдь и значить, что они принимали два несводимыхъ другъ къ другу аспекта бытія: физическій и психическій. Что они ихъ словесно объединяли въ понятіи „матерія“—это не можетъ служить аргументомъ въ пользу монизма ихъ міровоззрѣнія, ибо объ этой „матеріи“ они только и могли сказать, что она „движется“ и „мыслить“, т. е. опять-таки могли только квалифицировать ее дуалистически. Я здѣсь не спорю по существу, т. е. не разбираю вопросъ, правы или неправы были матеріалисты, а съ ними и Бельтовъ—вѣдь можно защищать и такой взглядъ, что бытіе и въ самомъ дѣлѣ не поддается „монизированію“:—я только настаиваю на томъ, что слѣдуетъ „высказать то, что есть“: дуализмъ—хотя бы и въ спинозистской или матеріалистической формѣ—есть все-таки дуализмъ, а не монизмъ.

Непонятно также, почему Плехановъ (въ предисловіи къ „Фейербаху“) упрекаетъ психофизиологовъ въ томъ, что они „отговариваются отъ матеріалистическихъ выводовъ посредствомъ ученія о параллелизмѣ психическихъ и физическихъ явленій“ (с. 12), между тѣмъ какъ спинозизмъ вѣдь и есть теорія универсальнаго параллелизма.

Но спинозизмъ, развиваемый Бельтовымъ, можно еще такъ или иначе понять. Гораздо хуже то, что Бельтовъ серьезно занялся реставраціей непознаваемой „вещи въ себѣ“. И это не мимоходомъ, не случайно, а самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ. Въ результатъ, конечно, Бельтовъ запутался въ цѣломъ рядѣ противорѣчій, отнюдь не „діалектическихъ“ и не ведущихъ впередъ.

Жизненный нервъ всѣхъ разсужденій Плеханова по вопросамъ „гносеологіи“—ироническія кавычки принадлежатъ Плеханову, не долюбившему этого слова, но все-таки начинающему уже привыкать къ нему и употреблять его—заключаются въ томъ, что вѣдь признанія существованія „вещей въ себѣ“ онъ видитъ только одинъ философскій путь, и этотъ путь неотвратимо ведетъ къ субъективному идеализму и къ солипсизму. Эта мысль, какъ мы увидимъ ниже, проходитъ красной нитью и черезъ всѣ размышленія г-жи Л. Аксельродъ на философскія темы. И

въ дѣйствительности не устраняетъ его“ („Кіевск. Университ. Извѣстія“, 1905 г., № 2, В. Зѣньковский: „Современное состояніе психофизической проблемы“, с. 5). См. также L. Busse „Geist und Körper“, с. 134.

Плехановъ и Ортодоксы стоятъ передъ дилеммой: или отказъ отъ „вещи въ себѣ“—и вмѣстѣ съ нимъ паденіе въ пучину солипсизма—или признаніе „вещи въ себѣ“, которое означаетъ для нихъ также признаніе истины матеріализма. При такой постановкѣ вопроса особыхъ колебаній быть не можетъ,—и наши мыслители поэтому рѣшительно высказываются за рецепцію вещи въ себѣ. Но противъ этого въ ихъ душѣ возстаютъ какъ марксистская традиція—вспомнимъ энгельсовскую критику пресловутаго понятія—такъ и духъ современнаго научнаго мышленія: отсюда невылазныя противорѣчія, которыми кишатъ ихъ произведенія и въ особенности работы Плеханова. Я это попытаюсь показать нѣсколько подробнѣе для Плеханова, положивъ въ основу анализа его примѣчанія къ „Фейербаху“, гдѣ онъ изложилъ свои взгляды въ наиболѣе систематическомъ и свободномъ отъ разныхъ полемическихъ уклоновъ видѣ.

Свои разсужденія о „вещи въ себѣ“ Плехановъ начинаетъ съ критики кантовскаго ученія о причинности. Какъ извѣстно, Кантъ утверждалъ, что категорія причинности—какъ, впрочемъ, и прочія категоріи и формы нашего мышленія—примѣнима только къ міру явленій, но не къ міру ноуменовъ (вещей въ себѣ). Плехановъ доказываетъ несостоятельность этой теоріи. Онъ доказываетъ, что по смыслу кантовой философіи всякое явленіе есть равнодѣйствующая двухъ факторовъ: 1) дѣйствіе на наше „я“ вещей въ себѣ и 2) свойствъ нашего „я“. Но разъ явленіе вызывается дѣйствіемъ на насъ ноуменовъ, то значить дѣйствіе этихъ ноуменовъ есть причина явленія. Изъ этого неустранимаго противорѣчія кантовской философіи, по мнѣнію Плеханова, есть только два выхода:

„или мы продолжаемъ утверждать, что категорія причинности непримѣнима къ вещамъ самимъ по себѣ, и слѣдовательно, отвергаемъ ту мысль, что явленіе вызывается дѣйствіемъ на насъ вещи самой по себѣ; или же мы продолжаемъ находить эту мысль правильной и тогда признаемъ, что категорія причинности примѣнима къ вещамъ самимъ по себѣ. Въ первомъ случаѣ мы прямой дорогой идемъ къ субъективному идеализму, потому что если вещь сама по себѣ не дѣйствуетъ на насъ, то мы ничего не знаемъ о ея существованіи, и самое представленіе о ней должно быть объявлено ненужнымъ—т. е. излишнимъ—въ нашей философіи; во второмъ случаѣ мы выступаемъ на путь матеріализма, потому что вѣдь и матеріалисты никогда не утверждали, что мы знаемъ, каковы вещи сами по себѣ, т. е. независимо отъ ихъ дѣйствія на насъ, а только утверждали, что эти вещи извѣстны намъ именно потому, что онѣ дѣйствуютъ на наши

органы чувствъ, и именно въ той мѣрѣ, въ какой они на нихъ дѣйствуютъ“ (с. 109).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ той роковой для Плеханова и Ортодокса дилеммой субъективнаго идеализма и материализма, о которой говорилось выше. Но ее мы оставимъ пока въ сторонѣ ¹⁾. Для насъ любопытнѣе указаніе Плеханова, что материализмъ никогда не отрицалъ непознаваемости вещей въ себѣ. Въ доказательство этого нашъ авторъ цитируетъ Гольбаха, говорившаго, что намъ неизвѣстны ни сущность, ни единая природа матеріи, а только нѣкоторыя ея свойства ²⁾.

Но черезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ уже нѣчто совсѣмъ иное о непознаваемости вещей въ себѣ:

„вопросъ о непознаваемости вѣшняго міра въ обоихъ изъ указанныхъ мной случаевъ получаетъ *положительное* рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы перейдемъ на точку зрѣнія субъективнаго идеализма, то намъ будетъ ясно, что наше я способно познать имъ же самимъ создаваемое *не-я*. А если мы предпочтемъ сдѣлаться материалистами, то при нѣкоторомъ размышленіи мы должны будемъ притти къ тому убѣжденію, что если мы—благодаря дѣйствию на насъ вещей самихъ по себѣ—*знаемъ нѣкоторыя свойства этихъ вещей*, то намъ, вопреки Гольбаху, до *нѣкоторой степени извѣстна и ихъ природа*: вѣдь *природа* вещи обнаруживается именно въ ея *свойствахъ*“ (с. 110).

По этой версіи, для материалистовъ до нѣкоторой степени извѣстна природа, сущность вещей въ себѣ. Но извѣстна до *нѣкоторой* степени значить вѣстѣ съ тѣмъ, что и неизвѣстна, непознаваема, до нѣкоторой степени. Отсюда еще далеко до того положительнаго рѣшенія, которое провозглашаетъ въ началѣ цитаты Плехановъ и которое онъ развиваетъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„Хотячѣе противопоставленіе природы свойствамъ совершенно неосновательно, а между тѣмъ именно это противопоставленіе завело теорію познанія въ тѣ схоластическія дебри, въ которыхъ заблудился Кантъ, и въ которыхъ продолжаютъ безпомощно блуждать всѣ нынѣшніе противники

¹⁾ По существу о ней будетъ сказано въ главѣ о «махизмѣ».

²⁾ См. также „Крит. нашихъ критиковъ“, полемику съ К. Шмидтомъ (сс. 195—197), гдѣ Плехановъ, ссылаясь опять-таки на Гольбаха, доказываетъ, что для материалистовъ сущность вещей и явленія не тождественны, и что первая для нихъ не познаваема.

материализма. Гете чутьемъ геніальнаго поэта-мыслителя чутше „трансцендентальнаго идеалиста“ Канта и даже лучше материалиста Гольбаха понялъ гдѣ истина. Онъ сказалъ:

Nichts ist drinnen, nichts ist draussen
Denn was innen, das ist aussen
So ergreift ohne Saïmmiss
Heilig öffentlich Geheimniss...

„Въ этихъ немногихъ словахъ заключается, можно сказать, вся „гносеологія“ материализма; но ни этихъ словъ, ни материалистической теоріи познанія, до сихъ поръ не могутъ понять тѣ схоластики, которые толкуютъ о непознаваемости вѣшняго міра“ ¹⁾ (с. 110).

Итакъ, вѣшний міръ познаваемъ, при томъ, очевидно, цѣликомъ, ополна, ибо, по словамъ Гете, „ничего внутренняго, ничего вѣшняго“. Разъ противопоставленіе „природы“ „свойствамъ“ несостоятельно, разъ „природа“ равняется суммѣ „свойствъ“—а вѣдь это только и можетъ означать мысль о несостоятельности „ходячаго противопоставленія“—то нѣтъ ничего *принципально* непознаваемаго во вѣшнемъ мірѣ. Но устраненіе противоположности „природа—свойства“ означаетъ также устраненіе эквивалентной ей противоположности: „вещь въ себѣ—явленіе“. Или явленія здѣсь возводятся въ рангъ вещей въ себѣ или вещи въ себѣ низводятся до скромнаго положенія явленій, но пропасть между ними завалена: вещь въ себѣ = явленіе. Но вѣдь это подлинный феноменализмъ, это ученіе имманентниковъ, это, наконецъ, *horribile dictu!* чистѣйшій „махизмъ“! И, дѣйствительно, среди многочисленныхъ вариантовъ плехановскаго ученія о „вещи въ себѣ“ довольно почетное мѣсто занимаетъ и махистскій вариантъ.

„Гегель, читаемъ мы дальше, чрезвычайно ясно обнаружилъ ту логическую — или, если вы предпочитаете, *гносеологическую* ошибку, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ рассужденій о томъ, что вещи сами по себѣ недоступны нашему познанію. Мы дѣйствительно лишены всякой возможности отвѣтить на вопросъ, что такое вещь сама по себѣ. И это по очень простой причинѣ: вопросъ „что такое?“ предполагаетъ, что данъ

¹⁾ Аналогичное рассужденіе о томъ, что материалисты 18 вѣка, говоряшіе, что мы знаемъ только вѣшность, скорлупу явленій, заблуждались и что правъ былъ Гете въ своемъ знаменитомъ афоризмѣ о вѣшномъ и внутреннемъ см. въ „Кр. наш. Крит.“, с. 171.

ная вещь имѣть свойства, которыя должны быть указаны; этотъ вопросъ охраняетъ какой-нибудь смыслъ *единственно только при этомъ предположеніи*. Но „philosophical people“, толкующій о непознаваемости вещей самихъ по себѣ, *заранѣе отвлекается отъ всѣхъ свойствъ вещи* и этимъ отвлеченіемъ дѣлаетъ вопросъ *нелѣпнымъ*, а потому и *ответъ невозможнымъ*“ (с. 110).

Какъ видимъ, Плехановъ продолжаетъ здѣсь стоять на точкѣ зрѣнія феноменализма. Вопросъ о томъ, что такое вещь въ себѣ, нелѣпъ, по его мнѣнію, потому что само понятіе вещи въ себѣ лишено какого-либо содержанія; „вещь въ себѣ“ — ободранное, общипанное отъ всѣхъ возможныхъ опредѣленій, понятіе; это пустая абстракція, *carut mortuium абстракція*, какъ повторяетъ въ другомъ мѣстѣ вслѣдъ за тѣмъ же Гегелемъ Плехановъ ¹⁾. И все это... все это сильно отдаетъ тѣмъ же гибельнымъ, неизбежно, ведущимъ къ субъективному идеализму и пр. и пр. „мализмомъ“.

На протяжении двухъ страничекъ мы успѣли такимъ образомъ, вмѣстѣ съ плехановскимъ матеріализмомъ, продѣлать довольно значительную эволюцію, начиная отъ непознаваемости вещи въ себѣ черезъ ея полу-познаваемость, затѣмъ полную познаваемость, къ вещи въ себѣ, трактуемой, какъ пустая фикція. Но циклъ присущихъ этому понятію — протею превращеній еще не законченъ. Плехановская вещь въ себѣ это настоящее *instabilis terra, innabilis unda*: состоянія равновѣсія она не допускаетъ ни на минуту. И вотъ уже на слѣдующей страницѣ, въ связи съ вопросомъ о субъективности ощущеній цвѣта, звука и пр., мы застаемъ Плеханова соглашающимся уже съ слѣдующей теоріей Сѣченова:

„Каковы бы ни были предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія, — пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками, — во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковыхъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами, сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя“ ²⁾ (с. 111).

¹⁾ Со времени Гегеля, говоритъ Н. Вельтовъ, „намъ прекрасно извѣстно, что такое безусловная сущность вещей, или вещь въ самой себѣ. Это пустая абстракція“ („Къ монистич. взгляду“, с. 272).

²⁾ См. также въ „Монист. взглядъ“ слѣдующее мѣсто: „Если г. Михайловскому угодно знать, какъ посмотримъ мы на отношеніе нашихъ ощу-

Прочитировавъ Сѣченова, Плехановъ продолжаетъ:

„Это опять вѣрно. Нужно только замѣтить, что Сѣченовъ не вполне точно выражается. Когда онъ допускаетъ, что наши впечатлѣнія являются лишь условными знаками вещей самихъ по себѣ, то онъ какъ-будто признаетъ, что вещи сами по себѣ имѣютъ какой-то неизвѣстный намъ „видъ“, недоступный нашему сознанію. Но вѣдь и „видъ“ есть именно только результатъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ; *помимо этого дѣйствія отъ никакого вида не имѣютъ*. Поэтому противопоставлять ихъ „видъ“ — какъ онъ существуетъ въ нашемъ сознаніи — тому ихъ „виду“, какой онъ будто бы имѣютъ на самомъ дѣлѣ, значить не отда-

ченій къ внѣшнимъ предметамъ, то мы отошлемъ его къ статьѣ г. Сѣченова“ (с. 273), и далѣе идетъ приведенная выше цитата изъ Сѣченова.

Во второмъ изданіи мѣсто это снабжено, однако, слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Нашимъ противникамъ представляется очень хорошій случай поимать насъ на такомъ противорѣчій: съ одной стороны мы объявляемъ Кантовскую «вещь въ себѣ» пустой абстракціей, а съ другой — мы съ похвалой цитируемъ г. Сѣченова, который гороритъ о предметахъ, какъ они существуютъ сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія. Люди, понимающіе, конечно, не увидятъ никакого противорѣчія; но вѣдь много ли понимающихъ между нашими противниками“.

Это звучитъ, можетъ быть, и гордо, но крайне необѣдительно. Рискую попасть въ уготованную Плехановымъ для своихъ противниковъ обширную категорію непонимающихъ, я все-таки думаю, что противорѣчіе — самое несомнѣнное, подлинное противорѣчіе — глядитъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ заявленій Плеханова, и его не затушевать никакими уничтожающими замѣчаніями.

Это сѣченевское ученіе объ ощущеніяхъ — знакахъ (высказанное, впрочемъ, еще Гельмгольцемъ въ его „Физиологической оптикѣ“) Плехановъ развивалъ и въ полемикѣ съ К. Шмидтомъ. „Взаимное отношеніе идей въ субъектѣ, читаемъ мы въ „Критикѣ нашихъ критиковъ“, соотвѣтствуетъ — когда человѣкъ не *ошибается* — взаимному отношенію вещей *онъ его*... Ощущенія, вызванныя въ субъектѣ дѣйствіемъ на него объекта, совсѣмъ не похожи на этотъ послѣдній, какъ не похожи они и на субъекта, — но тѣмъ не менѣе *каждому измѣненію въ объектѣ соотвѣтствуетъ измѣненіе его дѣйствія на субъектѣ*“ (с. 199). Для выраженія этого отношенія соотвѣтствія между явленіями и вещами въ себѣ Плехановъ въ другомъ мѣстѣ пользуется образомъ іероглифа. „Наши представленія о формахъ и отношеніяхъ вещей не болѣе, какъ *іероглифы*; но эти іероглифы точно обозначаютъ эти формы и отношенія, и этого достаточно, чтобы мы могли изучать дѣйствія на насъ вещей въ себѣ и, въ свою очередь, вoadдѣйствовать на нихъ“ (с. 234).